

С

начала Татьяна кинулась к сестре. — Марин, чего теперь делать-то? Та смотрела на нее непонимающими глазами.

— В каком смысле? С чем делать-то?

— В каком-каком... том самом...

И без того большие (и красивые!) Маринкины глаза расплылись в пол-лица:

— Ты что — залетела?

Танька в ответ быстро-быстро закивала головой — язык онемел.

— Ну, ты даешь...

Они сидели у Маринки на кухне. Маринка налила чаю, нарезала колбасы, сыра. Только кто бы их ел и пил? Но долго переживать сестра не могла. Не умела. Протянув многозначительное «та-а-к», она закинула ногу на ногу, запалила сигарету. Но тут же и потушила:

— Извини... тебе же дымом сейчас нельзя... Давай признавайся: он кто?

Татьяна опробовала язык:

— Да... с работы с нашей. С завода.

— Понятно. Ну, а конкретней?

— Из соседнего цеха. Сборочного.

— И это все, что ты про него знаешь?

А если не знаешь — как ты могла? Нет, ты, конечно, всегда была у нас немного чудная. Но уж тут-то... когда надо сто раз подумать...

Татьяна слушала правильные слова, а в голове уже стукнуло: зря пришла. В Маринкиной жизни все хорошо и ладно, а она тут... К матери надо. Кто ее и поймет, как не родная мать...

В субботу села на пригородный и — вот она я, в родном селе, родном доме. Отец копался в огороде, мать стирала.

— О, Танька, — обрадовалась она. — Отец картошку копает, а собирать некому. Маринка хитрая — приедет со своим антилигентом, когда все будет убрано. Поможешь отцу?

Татьяна быстренько переделалась в старенькое, попила чаю — и на огород. Отец накопал уже прилично.

— Раньше по осени картошку убирали, а теперь в августе поспекает. Климат, что ли, поменялся?

Откуда Таньке знать про климат? Ей известно одно: хорошо на огороде! Это тебе не завод. Тут ни железного лязга машин, ни завываний сварочного аппарата, ни... женихов, с которыми неизвестно, как обходиться. Да она бы сроду никаких женихов и не завела — это Маринке, красавице, можно, а ей на что? Так ведь — сам подошел. На дне рождения у Юльки, подружки. Сначала все глядел, глядел на нее, потом на танец пригласил. Они так хорошо танцевали медленный танец. Он как-то бережно обнял ее за талию, а под конец... погладил по голове. Вот тут-то у нее в груди и дрогнуло... Никто никогда ее так не гладил! Даже мать. Даже в детстве. А тут этот Вальдемар... Володька, конечно, но все почему-то его Вальдемаром зовут. И вот провел ее рукой по ее голове, ну, голова-то и закружилась.

Потом он ее домой, то есть на квартиру, провожал, стихи какие-то читал, смеялся, и она, дура, смеялась. Ей, дуре, отчего-то так хорошо было. Отчего-то казалось, что у нее новая жизнь начинается. У всех ее ровесниц она давно началась, а у нее только сейчас. С опозданием...

Хозяйки дома не было, уехала на дачу. Володька-Вальдемар дурашливо спросил:

— Может, на чашку чая пригласишь?

Она, не узнавая себя, расхрабрилась:

— А и приглашу!

Чай они не пили. Потому что Володька, этот Вальдемар, тут же потащил ее на диван. И она, помня его ласковую руку, не нашла в себе сил сопротивляться. Только мелькнуло в голове: подружки-то ее уже давно...

— О, пол-огорода управили! Перекур, дочь. Пошли-ка щей похлебаем. Заработали мы по тарелке щей?

За обедом она сидела тихая. Мать заметила это, и когда отец ушел на веранду, встревоженно спросила:

— Ты какая-то не такая нынче. Ты чего?

— Мам, я хочу тебе сказать... хочу спросить...

Лицо у матери сразу построжело:

— Да говори скорей, говори толком!

Татьяна покаянно смотрела в пол. Что ей сказать? Про танец? Про руку на голове? Это все не «толком», а «толком» — хоть режь — у нее не получится.

Мать догадалась сама.

— Та-а-к... Он кто? С работы? Жениться не собирается? Я поеду к директору. Мы еще поглядим, кто кого!

— Ма-а-м... Зачем же воевать-то? Разве войной чего хорошего добьешься?

— Ух, какая она добрая! Ты у нас всегда с чудинкой была! Маринка, бывало, обидчикам сама сдачу давала, а ты прибежишь в слезах, успокоить не могу...

У Таньки и сейчас слезы капали на подол старого платья.

— Вот-вот, опять понять не можешь, как это могут люди друг дружку обижать... Ты, может, рожать собираешься, безотцовщину разводить? А ты не видишь, что мы с отцом уже старики? Чем мы тебе поможем? Маринка замужем, и то рожать не торопится. Жизнь-то вон какая пошла: у одних денег куры не клюют, а другим хлеба купить не на что.

И ушла от стола, загремела на кухне посудой.

Танька осталась одна. Совсем одна, на всем белом свете... Тихонько вытерла слезы, поднялась с табуретки. Вышла наружу и пошла вдоль улицы, сама не зная куда.

Воевать... С ним повоюешь! Он, когда она ему все сказала (в автобусе ехали вместе на работу), заявил прямо: «Деревня ты, деревня... Денег я тебе дам. К какому врачу идти, у подружек спросишь. И... до свидания! Точнее — прощай!» Она смотрела на его руку, держащуюся за поручень, и думала: а рука-то была добрая... ласковая была рука...

Танька шла и шла, изо всех сил стараясь заглушить точившую душу боль-тоску. Вот и мать не захотела ее пожалеть. И... разве она не права? Зарплатешка у нее не бог весть какая. С квартиры хозяйка сгонит. И куда ей, как не к отцу-матери? Слушай, мать, пересуды, гляди людям в глаза...

У крайнего на порядке дома — дальше уж началось поле — стояла бабка. Танька с трудом вспомнила имя: баба Вера. Стояла, будто ее ждала. И Танька невольно остановилась.

— Редко кто до меня теперь доходит. Но раз дошла — заходи. Чайку попьем, побалакаем.

Татьяна, как во сне (все равно никому не нужна!), прошла в дом вслед за хозяйкой. Та сразу ушла за кухонную занавеску, принялась греметь посудой, а она плюхнулась на сундук, стоявший у самого порога. Вообще, все в доме было как в старину: на окнах — герань, а не модный ныне долларовый цветок, кровать застлана белым пикейным одеялом, украшена выбитым подзором. И у них так было, когда Танька бегала в школу. Вот сундука не было, сундук — это уж совсем древность. Икон тоже не было, а у бабы Веры в переднем углу — Божья Матерь с младенцем на руках и какой-то благостный старичок-святой. И так уж хорошо этот старичок смотрит: вроде строго, но не осуждаючи, а как бы сочувствуя и понимая твою беду...

— Нечего у порога сидеть, давай к столу, — распорядилась вышедшая из-за занавески хозяйка. Поставила на стол чайник, чашки, тарелку с печеньем и конфетами.

Танька, опять как во сне, прошла к столу, села на табуретку. Молча взяла налитый хозяйкой чай, отхлебнула, и... слезы опять закапали ей на платье. И баба Вера опять повторила:

— Раз дошла до меня — рассказывай. Не бойся — никто не услышит, никому не расскажу.

И Танька, не вытирая слез, только изредка взглядывая зачем-то на старичка в переднем углу (смотреть на Богородицу она робела), вывернула себя наизнанку. И замерла, в ожидании суровых и справедливых слов осуждения. А баба Вера с ними не спешила.

— Слезы-то вытирай, да берись за чашку.

— Баб Вер, до чая ли мне. Я ведь...

Танька глянула на старичка и, комкая душу, сжимая и выкручивая ее, как стираную тряпку, выдохнула:

— Я ведь, получается, согрешила. И нет мне оправдания.

В глазах старухи, против всех ожиданий, мелькнул веселый огонек:

— Это как нет?

Чудная бабка (вот ведь и бабки могут быть чудными...) помолчала немного, еще раз повторила:

— Это как нет? — и еще более весело закончила: — Оно, дитя-то, и будет тебе оправданием.

Танька сидела, оглушенная. Что сказала эта почти забытая ею, а может, и всем селом, старуха? Старухи обычно осуждают, им только дай повод, сейчас начнут: вот в наше-то время... а теперича...

— Баб Вер, но ведь это... чтобы дитя... нельзя. Невозможно.

— Это почему ж?

— Ну, в городе никому до меня дела нет. А в селе все осудят. Каково будет матери, отцу...

— Это хорошо, что ты про них думаешь. Молодец. Только бывают в жизни события, на которые ни у кого разрешения спрашивать не надо. Только у себя. Сама-то ты как думаешь?

Старуха внимательно на нее поглядела:

— И не говори ничего, все и так понятно. Ясное дело: из города тебе придется вернуться к отцу-матери. Люди первое время почешут языки, потреплют твое имечко. Тут надо потерпеть. Ну, ради такого дела и потерпеть можно.

Бабка опять помолчала. И опять улыбнулась:

— Ради дитя-то можно и потерпеть. Ну, вот все и обсудили. Давай-ка, берись за чай.

Татьяна послушно взяла чашку. Горло и вправду пересохло, теперь чай пился легко. Баба Вера тоже попивала чаек и приговаривала:

— Ты думала, с бедой ко мне пришла. А ты пришла с радостью. Раньше бабы по десятку рожали, и ничего, всех на ноги поднимали. А теперь... Боятся — не прокормят, не оденут дитя, как положено. А разве об этом думать надо?

— А о чем, баб Вер?

— Я старуха темная, малограмотная. Но думаю вот что... Ты сейчас шла ко мне, видела: изба моя на отшибе стоит. А еще не так давно она была приторочена к улице ровным рядком домов. Ни одного пропуска не было! И в каждом доме — ребятишки. Не как раньше, не по десятку, но двое-трое — это уж обязательно. А теперь? Эдак дальше пойдет — что от нашей державы останется?

Вздохнула:

— Вот какую политинформацию я тебе устроила. Не хотела спрашивать, да, пожалуй, все же спрошу: отец-то... знает? Не твой, а — его.

Тяжелее всего было отвечать на этот вопрос. Татьяна едва выдохнула:

— Знает, да... знать ничего не хочет.

— Ты погоди, погоди... Если уж не совсем дурак, если не без сердца, родная кровь — она себя окажет.

Баба Вера задумалась, словно хотела, да не могла о чем-то рассказать. Все же решилась:

— Раз уж ты ко мне пришла... Слушай. Моя мама тоже без отца росла. Не потому, что он семью оставил, а потому, что угнали его, куда Макар телят не гонял. Про раскулачивание-то в школе проходили?

— Нам больше про героическое рассказывали.

— Про героическое тоже надо, и даже допрежь всего, но и горького забывать не след. Так вот, сослали маминого отца на Колыму. Он работяга страшный был, скотины много держал, землю обрабатывал, да не как-нибудь, а плуги да бороны, сеялки-веялки завел. Вот у него все это и отобрали, а самого — на Колыму. Десять лет без права переписки. Потом еще за что-то надбавили. И вернулся он с чужбинышки только через пятнадцать лет. И не домой, а на родину женщины, на которой в далеких краях женился. Я думаю, на него за это и обижаться не надо: он уже знал, что дома у него нет — конфисковали; жена, бабушка моя, от всех переживаний захворала и умерла. И вот через пятнадцать-то лет маме моей, к тому времени уже замужней женщине, приходит письмо: так и так, дочка, пишет твой отец, если не удержишь на меня обиды — приезжай, свидимся. И адрес... Мама недолго собиралась, поехала. Потом рассказывала нам, детям: «Пришла по нужному адресу, отца нет — на работе. Сидим мы с этой женщиной, новой женой отца, ждем. И вот за окном раздаются шаги. Она говорит: «Он идет». А я спокойно так, но уверенно: «Нет, не он». Опять шаги. Я опять: «Нет, не он». И вдруг... Частые такие, быстрые шаги послышались за окном. Меня как кипятком обдало: он! Заходит в дом мужчина. Я встаю навстречу, а ноги подгибаются. И подхватывает меня родной батюшка, которого я ни разу в жизни не видела — родилась уже после того, как его забрали — на руки... А, Танюш? Это как: ни разу отца не видела — и узнала по шагам?! Вот она какая, родная кровь. Вот как себя оказывает.

И опять Татьяна была потрясена. Господи... В селе родилась, выросла, школу окончила, а только сейчас... это сколько же пережили люди... а она не знает, как свою беду перемочь... да и беду ли, если верить бабе Вере...

А та уж улыбалась снова:

— Э-э, а про чай-то мы с тобой опять забыли! Ну-ка, давай с конфеткой. Я нынешних шоколадных не люблю, больше карамельки жалую. Как, вкусно?

— Вкусно. Только не пойму, чем вы его заварили?

— Невдогад? А чабрецом. Его еще богородской травкой зовут. Этот чаек и для тела пользителен, и мысли от накипи очищает. А за ними и душу...

Домой Татьяна шла уже потемну. Мигали звездочки на темном и теплом, еще летнем, небе, легкий ветерок гладил лицо и руки. И жило-расцветало в ней чувство: то, что зародилось внутри нее — чудо. Благодаря этому чуду она уже никогда не будет на этой земле одна. Как это много! Как хорошо это знать! И разве можно после этого его не сберечь?!

У дома стояла мать.

— Господи, ты куда пропала-то? Мы с отцом ждем, ждем... Мы чего надумали-то: может, тебе никуда и уезжать не надо?..

ТРЕТИЙ ВАРИАНТ

Она вышла из дома целым, нормальным человеком, а вернулась... Если бы вернулась! А то ведь пришла в себя (да и пришла ли?) на больничной койке, нелепая в своей поношенной юбке, застиранной кофте... Собственно, сознание она не теряла, но с той самой минуты, когда ее чем-то удари-

ло в бок и она, не удержавшись на ногах, рухнула в снег, в голове у нее словно помутилось, словно какой туман окутал ее, к горлу подступила противная тошнота, а по телу разлилась еще более неприятная слабость. Какое-то время она лежала, боясь пошевелиться, а когда пошевелилась, почувствовала резкую боль в ноге. Кто-то стоял рядом и ругался на тему «что теперь с этой бабой делать». Мужской голос грозил: пусть лежит, черт с ней, кто-нибудь тормознется и позвонит в «скорую», а женский тоскливо убеждал: нельзя так, надо звонить самим, и как можно скорее. Она попробовала сказать (а получилось — простонала): домой, домой хочу. Какое дело? — тоже перешла на резкость женщина и вынула из сумки мобильник. Приехала «скорая», ее погрузили на носилки, и вот лежит она теперь на большой койке, чувствуя, как нога наливается грозной тяжестью и нудной болью. Одна. Среди незнакомых людей. И сразу вспомнилось: она маленькая, лет пяти-шести, и едет с родителями на попутной машине в гости к бабушке с дедушкой. Родители, вместе с другими попутчиками, в кузове машины (не было легковушек в ее детстве), а ей водитель разрешил сесть в кабину. Водитель молодой, мурлычет себе по нос какую-то песенку, а она слушает и глядит за окно. Там хорошо: солнечно, зелено, и кажется ей, что машина не едет, а плывет над землей... Но вот по крыше кабины стучат, машина останавливается, кто-то спрыгивает на землю, а они едут дальше. Водитель мурлычет песенку, она смотрит за окно... Вдруг сзади раздаётся долгий, непрерывный гудок. Шофер выглядывает в окно: что за шум? Ему машут рукой: остановись! Встали. К кабинке подбежал запыхавшийся отец: «Доча... выходи... Забыли тебя...»

Сколько раз потом родители вспоминали этот случай, снова переживая, ругая себя за забывчивость. А она ведь тогда и испугаться не успела. Испугалась теперь: ее опять увезли. Только прийти за ней уже некому. Родителей давно похоронила, муж сам ушел, сын живет далеко... Соседки — пока спохватятся. Одна как перст!

И вдруг...

В палату вошла молодая женщина и, минуя другие койки, остановилась возле нее.

— Ну, как вы?

— Да... ничего. А вы кто?

— А вы не помните? Это мы с мужем...

Говорить ей, чувствовалось, было нелегко, но она сделала глубокий вздох и выдохнула:

— Это мы сбили вас своей машиной.

Некоторое время женщины молча смотрели друг на друга. Наконец, молодая сказала:

— Вы можете подать на нас в суд. Но сами понимаете... пока суд да дело... а вам надо срочно делать операцию. Я уже была у врача. Он сказал: перелом со смещением. Так что чем раньше, тем лучше. Поэтому я предлагаю: мы оплачиваем операцию и уход за вами, а вы... сами понимаете...

Честно сказать, она пока ничего толком еще не понимала, но соседки по палате после ухода посетительницы все ей разъяснили: операция обойдется аккуратно в пенсию — где она еще одну пенсию возьмет? От государства такой щедрости нынче ждать не приходится. А тут — гляди ты — какие хорошие люди оказались: оплатить обещаются. Пока ты с ними будешь судиться — нога сгниет. А тут...

— Я их что — просила себя сбивать? — глупо спросила она.

— Так ведь гололед-то какой... они ж не нарочно. Другие бы уехали — и поминай как звали. Поди их найди. Или у тебя есть кому оплатить?

Она подумала про сына, а следом о том, что он занят сейчас затратным делом — ремонтом квартиры, и твердо сказала:

— Нет.

— Ну, а нет — так чего же и думать.

Пришла медсестра, взяла у нее кровь на анализ, потом зашел доктор, спросил, какое у нее рабочее давление.

— Давление большое. И вообще, доктор, страшно...

— А вот бояться не надо. О давлении мы позаботимся, а наркоз у вас будет местным. Один укольчик в позвоночник — и все дела. Обезболим только нижнюю часть тела.

— Все равно страшно...

— Так ведь другого выхода нет.

— Нет, — согласилась она.

— Значит, завтра с утра — операция. А теперь — спокойной ночи.

Кому спокойной, а кому... Может, все-таки позвонить сыну? Да ведь... если бы только в ремонте было дело. Главное — они ребеночка ждут, потому и с ремонтом затеялись. Старший сынок у них уже в студентах, второй в школу ходит, — надумали еще дочку родить. Оно, конечно, дело хорошее. Только не до приездом им теперь...

Ладно. Что она — первый раз над обрывом? Да пока сына одна растила — сколько раз небо с овчинку казалось. Как-нибудь и на этот раз Господь ее не оставит...

А утром было уже не до раздумий: привезли каталку, погрузили ее как мешок с опилками, и сгрузили уже на операционный стол. Медсестры суетились, делали свое дело, и она понимала: лучше им не мешать ни охами, ни вздохами. Доктор о чем-то спрашивал, она отвечала, не понимая толком, что и о чем; потом и доктор замолчал, и она опять говорила себе: твоя задача сейчас — терпеть и не мешать.

Терпела. Долго терпела...

— Доктор, скоро? — это когда терпение уже кончилось.

Тот вытер потный лоб рукавом халата. С облегчением произнес:

— Все. Все в порядке. Сейчас вас повезут отдыхать.

Она не знала еще, что терпение ее только началось. Потому что после операции все стало хуже. Нога стала напоминать бревно: лежит тяжелая и чужая, никак со своей хозяйкой не связанная. Тягучая, нудная боль доставала до сердца. Соседки по палате советовали:

— Проси обезболивающее.

После укола стало легче, но мучило другое: это ж теперь ни сесть, ни встать, ни умыться, ни в туалет самой не сходить...

И опять ей вышло облегчение от той, из-за кого она здесь оказалась. Тома (так она сама велела ее называть) зашла к вечеру. Сразу доложила: с доктором все вопросы решены, нянечка за уход деньги тоже получила. Так что с просьбами — не стесняйтесь.

— А сумка с едой почему не разобрана? Вы что — так ничего и не ели?

— Так нельзя же было. Да и неловко — не свое.

— А вот это уже глупости. Вам сейчас надо силы набирать, поправляться.

Как ни плохо было — заметила: Томочка чем-то озабочена. И вовсе не она этому, кажется, главная причина. Решилась спросить: а у вас у са-

мой-то все в порядке? Соседки ей уже разъярились: Тома и ее муж — люди не бедные, а по местным меркам даже богатые. Магазин хозяйственных товаров на рынке — их, магазин на вокзале — тоже; теперь еще и на въезде в город строят. Так что не переживай, Людмила — они от расходов на тебя не обеднеют...

Томочка, прежде чем ответить на ее вопрос, помолчала, глядя куда-то в сторону. Потом решительно тряхнула головой:

— Ничего, все нормально. Лишь бы у вас теперь все в порядке было.

Так жизнь и пошла: утренний обход, перевязка, капельница, обед... Ну, и так далее. На третий день, к вечеру, зазвонил мобильный. Она поняла: сын.

— Мам, как ты там?

— Да... ничего.

— А голос? Почему голос странный?

— Да... прихворнула немного. Грипп в городе ходит.

— Врача вызывала?

— А как же. И за лекарствами уже сходила. Принимаю. Вы там как?

— Также ничего. Ремонтируемся потихоньку, хотя хотелось бы побыстрее. Чтобы к рождению дочки успеть.

— Дочки... А вдруг будет парень?

— Нет, УЗИ дочку показало.

В общем, на первый раз отбрехала. Сын звонил обычно два раза в неделю, — ну, за три-то дня она прежнего голоса наберет, вовсе никаких подозрений не будет...

Анна Аверьяновна, самая говорливая в палате пациентка, твердила о том же:

— Я после операции думала, что рука и работать не будет. А она — вишь — и в одну сторону идет, и в другую. Доктор говорит: массаж нужен, а то вверх подниматься не будет. Да где я на этот массаж денег возьму? Меня владельцы магазинов не сбивали, сама сдуру упала. Да и зачем мне это надо — вверх? Мне что — стога, что ли, метать?

«Да и мне не метать», — утешала себя Людмила. Она свое уже отметала, когда, оставшись без мужа, с легкой работы — билетерша в кинотеатре — ушла на стройку. Вот когда пришлось пометать, не стога, конечно, а раствор. Домой приходила с деревянной спиной, деревянными руками... А куда денешься? Алименты от мужа приходили не бог весть какие, а сын рос, его мяском кормить надо было, одежду-обувку чуть не каждый год менять... Ничего, справилась. И школу закончили, и в институт поступили. Тут уже сынок и сам подрабатывать начал. И она опять вернулась в кинотеатр: билеты продашь, еще и кишинько посмотришь. Раньше фильмы хорошие были. «Тихий Дон» — наплачешься, «Полосатый рейс» — обхохочешься... Сейчас таких фильмов нет. Сейчас в кино убивают, взрывают, бьют по мордам... Нет, одно кино ей все же понравилось — про русскую женщину. Совсем молоденькая актриса ее сыграла, а до чего хорошо! Она была — с одной стороны — ну такая нежная, слабенькая вроде, а с другой — сильнее некуда. Помотайся-ка с мужем-военным по гарнизонам, начинай каждый раз все с нуля... А он, зараза, еще и рожать запретил, не это, мол, наша главная задача... И до чего ей обидно было, когда в очередной «стрелялке» (так она называла современные криминальные фильмы) она вдруг узнала так полюбившуюся ей артистку. С великим трудом, не сразу, узнала — до того та изменилась: похудела до костей, но вместе с полнотой потеряла, кажется, всю свою пре-

лесть. Сноха-учительница ей толковала: актриса не желает быть заложницей одного образа, ей хочется играть разных героинь. Она теперь и играет разных, только не героинь, а, прости Господи, свиристок. А в том кино, в той пышной своей форме, она сыграла душу. Душу русской женщины...

Однако чего это она не в свой огород полезла, ее ли дело — актрис критиковать? Хотя... разве она не тот самый зритель, для которого фильмы и снимаются? И вообще... если она стала думать о постороннем — может, дело пошло на поправку?

Точка пришла, приносила еду, но с каждым разом казалась все смурнее. А однажды вместо нее в палату и вовсе вошла девчужка-школьница: «Мама сегодня прийти не может, я вам поесть принесла». Сестра рядом девчужка отказалась, и вообще, чувствовалось, торопилась уйти.

— Ты в каком классе учишься? — попыталась удержать ее Людмила.

— В девятом.

— А зовут как?

— Лидой.

— Хорошее имя — Лида... Сейчас таких имен детям не дают. Сейчас все Алины да Ангелины. Ты вот что, Лидочка: скажи маме, мне больничной еды хватает. Хватит меня баловать.

— Ладно, скажу. До свидания...

Как только за юной посетительницей закрылась дверь, Анна Аверьяновна подошла к ее койке.

— Я что узнала-то... Муж у нее, у Тома, ходок еще тот. С молоденькой связался.

— Да Тома сама — уж куда моложе...

— Это если с нами сравнивать. А если с теми, кто со школьной скамейки мечтает в «Мерседес» перепорхнуть... Вот она, Тома-то, дочку за место себя и прислала: глаз казать на люди не хочет.

Палата, отвоевавшись с дневными заботами, полегла спать. А ей, Людмиле, не до сна. Доктор сказал: реабилитация — процесс долгий, долечиваться придется дома. Так что хватит валяться — завтра будем осваивать костыли. Дома же — известно — и стены лечат...

Перед выпиской доктор поинтересовался: за вами ухаживать есть кому? «Есть, есть, не сомневайтесь»... И вот привезли ее домой. И опять оставили одну.

Поначалу Людмила действительно наслаждалась. Родными стенами, тишиной, покоем. Никто не стонал, не жаловался на жизнь, не звал сестру... Уселась в кресло, включила телевизор. А там привычная картина: бьют морды, кровь — рекой... Ой, нет... этого ей пока не надо. Лучше уж «Семейные драмы». Но и здесь, словно подсмотрев ее ситуацию, показывали точно такую же: мать заболела, а ухаживать за ней некому — дети живут далеко, у детей своя жизнь... Вместе с героиней фильма она стала размышлять над вопросом, почему так: ты им отдаешь все — силы, здоровье, всю себя, а к концу жизни все равно остаешься одна? Нет, сегодня она и об этом думать не хочет. Сейчас она лучше сварит кашу. И будет вспоминать о чем-нибудь приятном. Разве мало в ее жизни было хорошего? Вот, например: внуку было пять лет, когда родители привезли его к ней на все лето. Ох, и замечательное было лето! Она хоть и на пенсию уже ушла, но была еще ого-го какой крепкой, они с Митей и в горсад, они и на речку. И вечером подолгу гуляла — для хорошего сна. Случалось, и

до Луны догуливались — она выкатывалась на небо круглая, ясная. Однажды Митенька долго-долго смотрел на нее, а потом возьми и спроси: «Бабушка, а что это за темные бугорочки на Луне? Там что — детки в песочек играют?»... Он вообще в то лето удивлял ее своими вопросами. «Бабушка, а почему поэты умирают так рано?» Ну, в пять ли лет задавать такие вопросы?! И разве ее, не очень-то грамотную бабушку, об этом спрашивать? Это мама сообразит, что ответить — она учитель литературы. Скорее всего, что-то такое о поэтах она ему и рассказывала, и у него возник запоздалый вопрос. Хотя — почему запоздалый, если в пять-то лет? Вернее будет сказать — преждевременный. Людмила стояла у плиты, улыбаясь, забыв про кашу...

А к вечеру ей стало тревожно. Ну, всем наврала — и доктору, и сыну. А дальше-то что? С костылями она освоилась. Но это — до плиты да умывальника. А магазин? На одной каше долго ли продержишься? Доктор наказывал больше есть творога, рыбы. Так ведь соседка-алкаша за продуктами не пошлешь — все деньги проплет. Другая соседка — Захаровна — сама еле ходит; ее, Людмилу, сбили как раз на пути к магазину — себе и Захаровне шла продукты купить. А молодуха Надька... если не крутит очередной роман — дома, а если крутит — днем с огнем не найдешь... Так ведь Захаровна сегодня уже приходила: «Надька опять завихрилась, у меня на тебя вся надежда была»...

Нет, наверно, надо все-таки признаться сыну. Или опять Томе в глаза лезть.

Кого же беспокоить: родного сына или чужую Тому? Сына — жалко, Тому — неловко. А других вариантов, похоже, нет.

Утром разогрела кашу, поела. И все смотрела на подаренный сыном мобильный телефон — звонить, не звонить? Дотянула до двух часов. И тут в прихожей раздался звонок. Уже привычно встала на костыли, направилась к двери. Захаровна? Надька?

На пороге стояла... Лидочка.

— Здравствуйте. Это я...

— Ты... как меня нашла?

— В больнице адрес дали. Вот я и решила вас навестить.

Вид у Лидочки был прямо-таки потерянный, и ей стало понятно, что вовсе не ради нее пришла к ней эта почти незнакомая девочка. Поняла, но не огорчилась. Пока выяснится причина, надо сделать вид, что...

— Видишь, на кого я похожа? Ничего не могу. Ни убрать, ни в магазин сходить. Вчера принесли пенсию, а я...

— Так я вам помогу!

Девчонка обрадовалась возможности быть полезной. Трудно ли на молодых легких ногах сбегать в магазин? Лидочка и побежала. А вернувшись, выразила желание помыть пол. А пока неожиданная гостья наводила чистоту, хозяйка сварганила супчик-скороварчик.

За стол они сели, довольные собой и окружающей обстановкой. Но на девочкином лице по-прежнему лежала тень.

— Людмила Васильевна, а можно, я... у вас поживу? Я буду тихонько, как мышь...

Людмила застыла с не донесенной до рта ложкой.

— Лидочка, я совсем не против. А даже наоборот. Только ведь... мама волноваться будет.

— Не будет! Им сейчас не до меня! Они свои отношения выясняют! Целыми днями в доме тарарам...

— И все равно маме надо позвонить. Если соседки по палате мне не наврали... дело ведь в твоём отце? Тем более маме сейчас очень плохо. Я по себе знаю...

— Как это — по себе?

— Так ведь от меня тоже муж ушел в свое время.

— Они что, всегда были такие — эти мужья?

— А может — такие были мы, жены?

— Как это?

— Я не смогла его простить. Вот как ты думаешь...

Словом, оказалось, что им есть о чем поговорить. Они и проболтали — за полночь. Какое уж тут звонки домой. Лидочке постелили на диванчике в зале, хозяйка ушла в спальню. Тут и зазвонил телефон:

— Извините... Это Тамара. Я понимаю, что беспокою вас напрасно, но у меня пропала дочь. Всех подруг и знакомых уже обзвонила, остался только ваш телефон.

— И хорошо, что позвонили, Томочка. Лида у меня. Она уже спит, так что вы не волнуйтесь. По крайней мере — сегодня. А там видно будет.

А утром — опять звонок. На этот раз — в дверь. Захаровна? Непутевая Надька объявилась?

Открыла — внук...

Да какой большой...

Теперь уж он наверняка про Луну знает все. А может, не только про Луну. Вон как внимательно смотрит — то на нее, то на ее костыли...

— Нехорошо врать, бабушка.

— Согласна, — с тихой, еще неуверенной радостью согласилась она. — Ты проходи, Митенька.

В прихожей второй неожиданный (да нет — долгожданный!) гость разделся, неторопливо пошел в зал. На пороге остановился:

— Опа... А это что еще за спящая красавица?

И тогда уже совсем счастливым голосом она ответила:

— Лида. Хорошая девочка Лида... Ты, наверное, такой песни не знаешь?

— Пока не знаю. Но кто же мешает нам познакомиться...

МАМ, ЗАСТЕГНИ МНЕ ПАЛЬТО...

Звонок звучал резко и требовательно, и в то же время с какой-то торжественной, радость обещающей нотой. Она осторожно, боясь свои странные и, в общем-то, необоснованные ожидания спугнуть, подняла телефонную трубку.

— Саш, здравствуй! Это я, Альбина.

Она даже задохнулась от напора нахлынувших чувств: Альбина, подруга детства... И не по скайпу, который не любили обе, а по телефону, когда не надо напрягать голос (а голос от этого становится чужим), не надо крутить микрофончик, добиваясь лучшего изображения (и все равно — выглядят как космонавты на орбите...). Пользуясь всеми этими преимуществами, подруга молотила без умолку:

— Представляешь, муж оформил какую-то невероятную форму общения, позволяющую говорить по телефону четыре дополнительных часа — совершенно бесплатно! А мы-то уж думали, что ничего бесплатного в нынешней жизни не осталось. А тут вдруг... Так что давай, рассказывай! Как живешь? Как здоровье? Как муж и сыночек?

Альбина засыпала ее вопросами, а она не могла открыть рта: попробуй сразу поверить в такое счастье — говори, сколько хочешь! Да не чужим, а своим голосом. И не с кем-нибудь, а с подругой детства! Но кое-как все же разошлась, освоилась в ситуации, стала рассказывать. И про здоровье (откуда ему быть в наши-то годы?), и про мужа (ты же знаешь — в отличие от меня, он еще работает, и это такое счастье, потому что на пенсию не только жить — умирать сложно...), ну, и про Валерика (да-да, по-прежнему в Москве — где же еще сейчас можно заработать?..) Потом Альбинка рассказывала про свое (она теперь тоже в столице, но не в Москве, а в своей, местной, и часто видится со всеми — родственниками, одноклассниками, и тут нет ничего удивительного — почти все они теперь в городе...). Время как будто остановилось. Как будто встретились они, как в детстве, у деревенского пруда, под ветлами, и болтают в свое удовольствие. И все-таки после получаса взволнованного трепа она забеспокоилась:

— Слушай, Альбин, давай закругляться. А то вдруг что-то не так? Это ж сколько тебе платить придется!

— Да не волнуйся ты! Я ж тебе сказала: муж оформил какой-то фантастический договор... Скажи лучше: чего тебе сейчас больше всего хочется?

— Мне? Больше всего? Хочу... домой. Совсем и навсегда.

— Ну, и что же тебе мешает это сделать?

— В деревню боюсь. Здоровье такое, что надо жить рядом с поликлиникой.

— Ну, и...

— Ну, а мы-то не в столице живем, пусть даже местной. наших районских денег от продажи квартиры на вашу столичную жилплощадь не хватит.

— Да, подруга... Но ты не унывай! Будем думать! А пока — целую! Мы теперь часто будем созваниваться.

Целый день она ходила как во сне. Неужели и вправду разговаривала с Альбиной, да еще так долго? Господи, наконец-то где-то вверху поняли, что нельзя так жестоко разъединять людей, сначала — границами, потом — неподъемными для обычных граждан тарифами на телефонные разговоры. Им ведь надо время от времени разговаривать друг с другом — людям, которые еще недавно были одним народом. Вот она поговорила с Альбиной — и будто живой воды напилась...

Муж, вернувшись с работы, заметил это сразу:

— Ты сегодня какая-то не такая.

Она рассказала. Сергей, как человек менее эмоциональный, только пожал плечами:

— Боюсь, тут что-то не так, с вашим бесплатным разговором.

Но она совсем не хотела думать о «не так». Она целый вечер, как драгоценные камушки, перебирала фразы из телефонного разговора. «У меня уже внучка — Любаней зовут»... «А пруд наш помнишь? Я как приезжаю в деревню, обязательно иду к нему. На берегу кто-то лавочку поставил — сиди, вспоминай, думай»... Да, все у Альбины хорошо. Главное — все родные, близкие и друзья живут в одном городе. Захотел кого-то увидеть — звони и поезжай в гости. Или зови к себе.

А ночью ей опять снился этот сон...

Мороз был такой, что перехватывало дыхание. Она, наверное, ходила тогда в пятый, или даже в четвертый, класс, но ведь деревенские

дети — не неженки. И вот мама собирает ее в поход за водой: на голову — теплый платок, поверх новой школьной надевается еще одна, старенькая, кофта; полы туго натянутого пальто теперь едва-едва сходятся, пуговички выскальзывают из рук, и она просит: мам, помоги застегнуть. Мама наклоняется к ней, и от нее идет такое знакомое, такое ласковое тепло, что глаза отчего-то начинает щипать...

Ведро ей дают цинковое — оно легче эмалированного, и она выходит на улицу. Мимо пруда, мимо клуба — к тети Таниному колодцу. Высокая береза у колодца — вся-вся в инее. Быстренько достала привязанным к цепи хозяйским ведром воды, перелила в свое и — домой. Протоптанная в снегу дорожка назад идет под уклон, и она едва не бежит, варежкой свободной руки прикрывая нос: ох, как он щиплет, этот мороз! Глядеть по сторонам некогда и не хочется, но как-то нечаянно взгляд зацепился за небо. И тут она... обомлела: там, наверху, творился закат: небо — над головой синее-синее, ближе к горизонту становилось бирюзовым, а потом после каких-то совсем уж невыразимых человеческими словами красок разливался розовый цвет. Ну, такой розовый, что прямо как аленький цветочек. Такая нежность — да в лютый мороз... Как же это возможно? — удивилась она.

Тогда жизнь еще удивляла нежностью...

— Ты сегодня долго?

Муж допивает утренний чай. Последние глотки — самые приятные, и он ответил, только когда чашка стала пуста:

— Нет, наверно. Читательскую конференцию отложили, так что только уроки.

Хлопнула дверь...

Да, муж продолжает нести вахту, а она сбежала с нее, как только стукнул пенсионный возраст. Директор школы пробовала задержать:

— Ну кто лучше вас знает литературу? И зачем так рано отрываться от коллектива? Да и пенсия — какая она там будет...

— Знаете, надоело натаскивать, — честно сказала она. Татьяна Серафимовна не поняла:

— Кого натаскивать? В каком смысле?

— Кого-кого... ребятишек наших. Учащихся. А про смысл вы и сами знаете — с этим дурацким ЕГЭ натаскиваем их на готовые, кем-то неведомым сконструированные ответы. Думать не надо — надо угадать: да, нет...

Директор молчала. Смотрела в окно. Да и что она могла возразить в ответ? Ее задача — проводить линию отдела по образованию...

Поначалу она упивалась свалившейся на нее свободой. Переделала все откладываемые на потом дела. Много гуляла. Еще больше читала.

Потом гулять одной стало скучно. Прочитанным хотелось с кем-то поделиться, но муж приходил усталый, и она его жалела: пусть отдыхает, пусть — если уж не тошнит от школы — поработает как можно дольше.

Пробовала звонить почаще сыну, но тот тоже ссылался на занятость и усталость:

— Mam, ты никогда не жила в Москве. Вот и не знаешь, какая это соковыжималка.

И что ей оставалось? Не мешать занятым людям жить. И работать.

Тогда и приснился ей в первый раз этот сон — про зимний вечер. До сих пор о повторяющихся снах она знала только из своей любимой лите-

рагуры, а тут — пожалуйста — в собственной жизни, как концентр — за завкам. Насмотревшись зимы, она, проснувшись, с еще большим удовольствием вспоминала деревенское лето.

...На улице жара — даже пыль под ногами горячая. И они с подружками бегут к речке. В воду — бултых! Смех, брызги, крики: а ну — догони! А кто на тот берег поплывет? Кто смелый? Смелыми оказывались все. Потому что на другом берегу — цветы и трава по колено. И еще — лес на горизонте, так и манит к себе. Но в лес они — только весной, только с учителями. Это называлось — экскурсия, которая завершала очередной учебный год. В городе детей водят в музеи, а у них музеев нет, зато есть лес с ландышами. И пахнут эти ландыши так, что сердце замирает от предвкушения чего-то необыкновенного и радостного, чего в жизни еще никогда не было, но непременно будет...

Думала ли она тогда, что это и есть счастье? Что наступит момент, когда захочется — до сердечной боли — его вернуть?

Она, конечно, не в том возрасте, чтобы не понимать: про детство всегда вспоминаешь и с радостью, и грустью. Даже если живешь ровно в том месте, где оно прошло. А уж если судьба занесла тебя далеко-далеко...

А ведь когда-то они этому были только рады! В том государстве, где они начинали жить и работать, с первых школьных лет им внушалось, что человек — хозяин своей судьбы. И они, действительно сами, начинали ее выстраивать, свою судьбу: определялись, в какой плоскости лежат их способности, на какую работу не скучая будет ходить. Для себя она решила — школа. После окончания института ее распределили в самое дальнее в их нечерноземной республике село («там нужны молодые кадры... неси им не только знания, но и культуру»...). Стояло село среди глухих мордовских лесов, дороги туда не было — разве только летом. А в остальное время — как в пахмутовской песне — только самолетом можно долететь. Им с подружкой дали под жилые отдельную избу. Ну и что, что самим топить, что вода из колодца, что удобства во дворе? Им, деревенским, не привыкать! Энергии было — через край. Желания работать — тоже. Про Пушкина и Толстого она умудрялась рассказывать в классе так, что ученики смотрели ей в рот, ловили каждое слово. А уж когда она свозила их на экскурсию в Москву... Витенька Кирдяев даже в любви ей объяснился, причем — как раз пушкинскими стихами: «Зачем вы посетили нас в глуши забытого селенья...» Не в глуши, не в глуши! — не соглашалась она. — В нашей стране везде — передовой край. Читайте газеты — вон на БАМ приглашают, вон — на стройку, а тут еще дальше — на рыбоперерабатывающий завод на Камчатку...

Наворожила, прежде всего, самой себе.

Но сначала была беда. Из дома в сельсовет позвонили, что умерла мама. А самолет-«кукурузник» из-за непогоды не летал. И она приехала в родную деревню к уже засыпанному мерзлой землей холмику. Стояла, держась за железную оградку, вытирала холодной варежкой горячие слезы, и гоняла в голове глупую мысль: кто же теперь застегнет мне пальто, кто?.. Возвращаться в «забытое селенье» совсем не хотелось. Она, возможно, и не вернулась бы, но там ее ждали не только ученики.

С Сергеем они познакомились на районной учительской конференции. Он и работал в райцентре, причем в районо, и должен был вот-вот получить настоящую квартиру. И у нее, до той поры абсолютного романтика, мелькнула вдруг совершенно трезвая и практическая мысль: если в ее жизни опять случится что-то непредвиденное (а непредвиденными

чаще всего бывают несчастья) — из райцентра можно будет уехать уже поездом, независимо ни от какой погоды.

Вернулась. Доработала до конца учебного года. А в начале лета прощалась с учениками и с подругой Тоней. Они провожали ее хмурыми лицами. Витенька Кирдяев сначала назвал ее предательницей, а потом неловко сунул в руку букет ромашек.

Ах, Витенька-Витенька... Знал бы ты, какой глупой была тогда ваша учительница... Думаешь, новым местом ее работы действительно стал районный центр? Куда там! Она уехала гораздо дальше, на этот раз — точно в край таежный, куда, опять же, только самолетом... Вот только на этот раз она отправлялась в путь не с подругой, а с мужем.

Да разве в то время такими были они одни? Вся страна, стронувшись с места, куда-то ехала. На БАМ, на Крайний Север, на Дальний Восток... Одних влекли новые места и впечатления, других — северные надбавки. Их, как людей семейных, повлекло в путь и то, и другое. Ну, получают они когда-нибудь долгожданную квартиру, так ведь ее еще надо обставить, поклеить-покрасить — обжить...

Валерик родился у них там — в таежном краю. Но если родителям на новом месте все пришлось по душе (и природа, и работа — муж сразу стал директором школы, она — преподавателем любимой литературы), то их крошечный сыночек (это сейчас он выше отца) привыкает к суровому климату не захотел. Постоянные простуды, кашель... Доктора советовали переехать в более теплые края. Стали думать: куда? На родину мужа? К ней? Нет, это неинтересно. Пусть будет опять что-то новое! Ведь в их распоряжении — вся страна. И если на Дальнем Востоке не получилось — пусть это будет другой край необъятной Родины, где они обоснуются уже основательно и всерьез, и, главное, навсегда.

Они и обосновались. Эта их квартира — с каким энтузиазмом, с какой любовью они клеили в ней обои, белили и красили... как придирчиво выбирали мебель... Это же теперь навсегда!

И тут произошло невозможное: страна, в которой они жили, вдруг перестала существовать. То, что раньше было одним целым (дорогим и неделимым целым!) вдруг разделили границами. И они оказались «за границей». Газеты, радио, телеящик твердили о том, что жизнь теперь день ото дня будет меняться к лучшему, но цены в магазинах почему-то поползли вверх. А институт, единственный в их городке, в который поступил выросший Валерик, вдруг объявил, что за учебу придется платить. Они подтянули пояса, но когда учеба закончилась, оказалось, что с рабочими местами в городе напряженка. Пришлось пойти в родную школу, где учителю-мужчине, конечно, обрадовались, но сына не обрадовала зарплата: «Я что — до пенсии буду такую получать?» И однажды он взорвался: все, хватит! Олег уже уехал в Москву. И меня зовет. И я поеду!

И вот теперь они общаются с сыном чаще всего только по телефону...

Нет, надо все-таки поговорить с ним еще раз. В конце концов, она еще ничего толком ему не объяснила, в свои планы не посвящала. Где там ее мобильный?..

— Сынок, здравствуй!

— Привет, мам! Ну, как вы там?

— Да ничего... все хорошо. Вот только...

— Ну, говори, говори.

— Сынок, а что, если мы продадим квартиру?

— Продадим? Зачем?

— Не знаю, поймешь ли... Понимаешь, на родину тянет. В те места, где родилась.

После некоторого молчания (по мобильному долго молчать не будешь) сын сказал:

— Я действительно ничего не понимаю. Квартира у вас хорошая, все необходимое: магазины, поликлиника, даже храм, в который ты часто стала ходить, рядом. Зачем же все это бросать?

— Я же говорю: на родину тянет. Разве тебе это чувство не знакомо?

— Мне? — Сын опять помолчал. — Ты меня сегодня удивляешь, мама. Но если ты спрашиваешь, я отвечу: для меня родина там, где мне платят деньги. Зарплату, на которую можно прожить.

Она машинально нажала отбой — настолько ее ошеломило услышанное. Эти слова только что произнес ее сын?! Она услышала их — от него?! Такого не может быть. Ее сын — не такой!

Неужели все закончится на их поколении — любовь к Родине и родине? Неужели у них, молодых, за душой ничего святого?.. Если честно — сын удивил ее не в первый раз. В первый — это когда устроился в Москве работать в фирму, торгующую спортивным инвентарем. «Для чего же ты закончил политех?» — «Мам, здесь платят нормальные бабки»... Когда она услышала эти слова, вот эти самые «бабки» — потянулась за корвалолом. Муж дождался, пока она примет капли, потом тихо сказал:

— Время изменилось, пойми. Он должен научиться зарабатывать.

Она опять потянулась за корвалолом, но супруг твердо решил закончить мысль одним разом:

— Пока я еще работаю. Пока. А когда мы оба станем пенсионерами? Мы ведь ничем не сможем ему помочь!

— ...Мать, ты кормить меня собираешься?

Она и не услышала, как пришел Сергей. Пока тот передевался, налила борща, нарезала хлеба. Села напротив. Перед тем, как приняться за еду, он остановил взгляд на ней:

— Я чувствую, надо опять начинать все сначала. Ну, подумай... даже если мы совершим это безумство — продадим квартиру... Денег-то все равно не хватит. Ты сама говоришь: в деревню мы не поедем. А большой город — сто раз объявления просматривал — нам не по карману.

Сергей раздраженно бросил ложку на стол:

— И вообще — зачем нам на старости лет ехать черт знает куда?!

— Не черт знает! Хоть ты меня не убивай!

— А кто еще тебя убил?

И она передала ему разговор с сыном.

На этот раз муж говорить ничего не стал. Но и есть не стал. Молча надел пальто и ушел. Куда?!

Хоть бы Альбинка позвонила. Говорила ведь — будем созваниваться часто.

Телефонный звонок все-таки раздался — за два дня до Нового года. Звонила не Альбина — Валерик, и голос у него был веселый:

— Mam, еду в гости! Пеки пироги!

— Ты же говорил: будешь работать.

— Жизнь полна неожиданностей. Пеки пироги!

И она засуетилась, как будто бы он должен приехать уже сегодня, а не через два дня...

Зато и встреча получилась замечательной: стол уставлен новогодними яствами, сынуля сидит с ними и никуда не торопится, ссылаясь, как это не раз бывало, на встречу с друзьями и одноклассниками. Мужчины (да-да, и сын уже не мальчик, двадцать восемь — серьезный возраст) толковали о международной обстановке и жизни в столице.

— Ничего, пап, привык — ее сумасшедший ритм мне даже начинает нравиться.

Она позволила себе вставить словечко:

— Ну, а когда личную жизнь устраивать будем?

Ответ оказался неожиданно утешительным:

— А вот и будем! В следующий раз приеду не один.

— А почему не сейчас? Не сегодня?

— Увы, моя избранница — не столичная штучка, и тоже поехала домой.

Она еще сидела в радостном замешательстве от новости, а отец уже давал трезвую оценку предстоящим событиям:

— Вот и хорошо, что не столичная. Столичная всю жизнь будет напоминать, кто хозяин ее квадратных метров...

— Кстати, о квадратных метрах, — подхватил сын. — Вдвоем нам легче будет выплачивать ипотеку. Одна зарплата — на жизнь, вторая — в банк. Вы же понимаете, что другого пути приобретения квартиры у меня нет?

Они с отцом напряглись, опустили глаза: не смогли, не сумели провинциальные учителя скопить денег сыну на жилье. А она еще морочит мужу голову своими дурацкими мечтами...

И вдруг...

— Мам, ты знаешь, я, кажется, тебя понял. Именно в ту минуту, когда вдруг так захотелось домой! Посидеть с вами. Отведать твоих пирогов. Сходить в школу (вот уж не думал, что в школу потянет!), просто пройтись по родным улочкам. С ребятами встретиться.

И — после минутного молчания:

— Так что смотрите. Решайте.

Она сидела в своем кресле, боясь пошевелиться. Да что там пошевелиться — боясь дышать...

Отец тоже молчал. И тогда она решила сказать, чтобы разрядить возникшее напряжение:

— Давайте-ка включим телевизор. Там сейчас концерт идет. А квартира да переезд... это же дело не срочное.

— Ага, — оживился и муж. — Куда нам торопиться? Вся жизнь впереди!

Едва заметную иронию в словах мужа уловила только она; Валерик, обрадованный переменой в настроении родителей, тут же засобирался:

— Ну, а теперь отпускайте меня к друзьям-товарищам. Вернусь на рассвете...

И вот они сидят вдвоем, смотрят и почти не видят мельтешащих на экране в пух и прах разодетых артистов.

— Знаешь, чего мне больше всего жалко?

— Чего?

— Тогда мы жили, и у нас не было чувства одиночества. Потому что рядом родители, подружки, соседи, да вся страна — как родные люди. И знаешь, что меня больше всего страшит?

— Что?

— Что в нашу с тобой дверь никогда больше не постучит ни родственник, ни школьный друг, ни даже самая любимая подруга Тоня. Далеко... Мы ото всех далеко. И ни у кого нет денег, чтобы такое расстояние преодолеть. Даже если и есть... Возраст! — все мы уже не молодые, чтобы не сказать...

— А ты и не говори... Бог с ней, с нашей жизнью. Главное то, что Валерка у нас вырос правильным парнем. И уж он-то в нашу дверь обязательно постучит. Смотри, как правильно он все рассчитал и спланировал. Это я про его будущую женитьбу и жильё. Но жизнь такая штука... всегда надо иметь запасной вариант. Особенно сейчас, когда она напрочь лишена стабильности. И нам нашу квартиру надо беречь как зеницу ока. Мало ли как все повернется... Ты согласна?

Что она могла сказать в ответ? Только это:

— Согласна, дорогой.

А про себя еще подумала: в конце концов, ей будет достаточно телефонных бесед с Альбиной. Она так себя сумеет настроить, что будет достаточно... Кстати, почему подруга не звонит? В новогоднюю-то ночь?

И тут раздался звонок. Она — Альбина! Произносит привычные, но такие каждый раз новые слова поздравления. Только вот голос почему-то невеселый.

— Ты чего грустная, Альбин?

— Саш, прости... За тот наш разговор пришлось заплатить четыре тысячи рубликов. Оказывается, фантастический договор имеет силу только на территории России. А ты — Ближнее зарубежье. Так что опять переходим на этот дурацкий скайп. Прости...

— Ну и ничего страшного. Опять в космонавтов поиграем...

Простившись с подругой, пошла на кухню. Помыла посуду. И... что теперь? О, да у нее есть сон! Надо только опять загадать: пусть снова приснится этот сон! Зима, мороз, она собирается за водой, а тугие пуговички не хотят подчиняться ее пока несильным ручонкам. Мам, застегни пальто... Мама наклоняется, и от нее идет такое знакомое, такое ласковое тепло... А через минутку откроется дверь, и она выйдет на крыльцо, и побежит по знакомой, ее же ногами протоптанной снежной дорожке за водой. Кругом — белым-бело, а на небе играют-переливаются чудные краски: синяя, бирюзовая и самая среди суровой зимы невероятная — розовая...

